

ФУНКЦИЯ ПЕСЕН И БЛАГОПОЖЕЛАНИЙ В СВАДЕБНОМ ОБРЯДОВОМ ФОЛЬКЛОРЕ АДЫГОВ (Вывод невесты из отчего дома)

Гутова Ляна Адамовна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник сектора адыгского фольклора Института гуманитарных исследований – филиала Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук» (ИГИ КБНЦ РАН), adam.gut@mail.ru

В статье рассматриваются особенности вербального компонента в одном из эпизодов свадебного цикла, выводе невесты из родительского дома. Отмечается полифункциональность слова в обряде, выраженная в сочетании эстетических и магических элементов. Особое внимание обращается на характер употребления изобразительно-выразительных языковых приемов, что характеризуется насыщенностью текстов песен и благопожеланий эпитетами, сравнениями, гиперболой и др. Рассмотренный материал дает основание считать, что адыгская свадьба, как это отмечается и у других народов, может быть охарактеризована как серия ритуализованных действий, устойчиво присутствующих в традиционной культуре разных субэтнических подразделений адыгов. Отмечается роль устойчиво повторяющихся элементов самого обряда и приуроченных к нему вербальных компонентов, а также функция и характер импровизации, допускаемой при совершении ритуальных действий. Это не только не разрушает традицию, а оказывается обязательной частью формы естественного функционирования обряда, привносящей в каждый случай его воплощения свежесть и привлекательность.

Ключевые слова: свадьба, ритуал, вербальный компонент, вывод из отчего дома, импровизация, функции.

Обряды, связанные с традиционными свадебными торжествами, как это характерно, не обходятся без большого спектра вербальных стандартов.

Исследователи едины в том, что фольклор адыгской свадьбы представлен разными типами песен, дифференцируемых функционально и применительно к определенной ситуации. Каждая песня имеет варианты, которые в свою очередь подразделяются на величальные и смеховые, в большинстве своем посвященные невесте и частично жениху. Некоторые жанровые разновидности песен сохранились в единичных вариантах [Унэрэжьо Рай, Хьакьунэ Эльз 2014: 313]. Также обрядовые действия сопровождаются благопожеланиями, здравицами и стихами – импровизациями. *Думаем, что такая классификация фольклорного материала вполне уместна относительно свадебных обрядов.*

Как неоднократно отмечалось, вербальный компонент выполнял в обрядовом действе важнейшую функцию. Слово, как и мелодия, были призваны не просто украшать празднество, а выполнять еще не менее важные задачи – привлечь добро и благо, оберегать молодоженов от всяческого воздействия сил зла, способствовать благополучному разрешению дела, отгонять разного рода нечисть и дурной глаз. Более того, под их благодатное воздействие попадали не только жених и невеста, магическое действие распространялось на семью, близкую родню молодоженов, на всех участников свадебной церемонии. В связи с этим Б.Х. Бгажноков обращает внимание на одно важное обстоятельство: «В составе адыгских игрищ, как и следовало ожидать, давал о себе знать так называемый первородный синкретизм:

единство музыки, песни и пляски» [Бгажноков 1991: 62]. Добавим к этому, что понятие синкретизма в данном случае распространяется не только на единство по форме, но также и нераздельность комплекса функций. Видимо, это один из факторов, которыми обусловлена семиотическая знаковость чуть ли не каждого действия в комплексе свадебного церемониала.

Один из устойчивых компонентов произведений интересующего нас плана – это песни, приуроченные к обряду вывоза невесты из отчего дома. Началом действия становится эпизод, в котором двое-трое молодых людей, представляющих в свадебной процессии сторону жениха, должны были якобы выкупить невесту, прежде чем вывести ее из дома. Женщины, представляющие сторону невесты, преграждают им путь в комнату молодой и требуют плату «за прикосновение к ее рукаву» (ІэщхьэубыдыпщІэ). При этом женщины исполняли свою песню.

«При исполнении песни невеста стояла на самом видном месте с опущенной головой, – пишет М.А Джандар. – Из нижеприведенного текста следует, что у адыгов материальная сторона играла существенную роль в деле заключения брака» [Джандар 1994: 20]. Высоко оценивая труд данного исследователя в целом, позволим себе не согласиться с суждением о том, что на первом месте здесь «материальная сторона». Вот слова песни:

Уи, Уи-у, типшъашъэ ыуасэр
Зы дэшьэп, дышъитІоп, дышъитф!
Уи, уи-у, типшъашъэ ишъуашэр
Зы чэмэп, чэмитІоп!
Чэмибгъумэ, быгъур япщІэу отэр! –

Уи, ум-у, наша дочка стоит
Не одно, не два, а пять золотых,
Уи, уи-у, наряд нашей дочери <оценивается>
Не в одну, не в две, а в девять коров
И одного быка – целое стадо! [там же].

Как можно судить, мы имеем дело с церемониально-игровой ситуацией, в которой главное не в материальной выгоде, а в самом процессе театрализованной словесной баталии. На самом деле приведенная в тексте цена устанавливалась среди бжедугов открыто и не имела решающего значения на исход действия. Ее роль заключалась не столько в материальном выражении, сколько в символическом скреплении осуществляемого перехода девушки из одного статуса в другой и из одного человеческого окружения в иную среду. Ритуализованный эпизод был призван обеспечить магическими средствами благополучие начинаемого цикла действий в комплексе свадебных мероприятий и игровыми компонентами оживить их, придавая эстетически организованный характер. Относительно свободный лексикон, употребляемый во время этого «торга» также символически обозначал вольное течение и бесконечность жизни. Когда же невеста по сигналу вставала, готовая к выходу из родительского дома, все присутствующие в комнате прощались с нею широкоупотребительной устойчивой формулой приуроченного благопожелания-хоха: «Лъэдакъэ махуэ унэ уздыщІэкІым кыщІэнэ, лъапэ махуэу унэщІэм ухыхъауэ кыщІэукІ» – букв.: «Пусть оставишь ты [в родительском доме] счастливый след, пусть внесешь [ты в новый дом] счастливую стопу». Как и всякое традиционное благопожелание, отлитое в устойчивую формулу, оно было призвано своей магической силой обеспечить и самой девушке, и ее семье, и всей родне благополучие после того, как свершится ее переход в новый статус в ее жизненном цикле. Вторая часть формулы функционально предназначена для того, чтобы предречь сопутствие ее появлению в новом доме добра, согласия, всяческого благополучия. В данном случае ключевыми являются образные слова:

«лъэдакъэ» – «пята», символизирует уход, а «лъапэ» – «носок» – вступление, начало новой жизни. Поэтически они образуют параллельные конструкции, чем не только пожелание отливало в устойчивую формулу, но и проводилась разделительная черта между прошлым и будущим выходящей замуж. При этом разделение отнюдь не означало полного отчуждения: две части фразы образуют одну формулу, и это призвано создать представление о неразрывности этапов жизненного цикла.

В некоторых адыгских селениях, помимо платы за прикосновение к рукаву невесты и за ее вставание, требовали плату «за остановку у очага» (жъэгупашхъэ тенэ), за «остановку у порога» (бжэщхъэгу тенэ). Как можно полагать, в подобного рода «препятствиях» на пути вывода невесты доминирующим компонентом становится игра, развлечение, создание увлекательного зрелищного действия. Это не значит, что в них не может содержаться знаковости и отголосков магии. Достаточно напомнить о функциональной и символической значимости очага, порога, дворовой калитки в семиотике традиционной организации пространства.

Несмотря на стереотипичность самой ситуации, свадьба в целом представляет собой органическое сочетание канонизированных стандартов как в действиях, так и в вербальной части, с импровизациями в русле традиции. Отсюда и тексты приуроченных благопожеланий включают в себя и устойчивые формулы (например, фрагмент об оставлении в отчем доме счастливой пяты и внесении в дом жениха счастливой носка), и ситуативно мотивированные высказывания неформального характера.

Такого рода пожелания блага и добра по представлениям адыгов приносили в жизнь новой семьи позитивный настрой на совместное будущее, а также, как отмечено, вербальный компонент любого мероприятия нес функцию оберега. Вера в магическую силу слова располагала на то хорошее, что произносилось из уст людей и, несомненно, должно было коснуться тех, кому эти слова адресованы.

Б.Х. Бгажноков пишет, что «при выходе невесты из дома музыканты играли так называемый марш «выхода невесты» (бжед. нысэищ орэд, шапс. нысэчІэщ (нысэкъыкІэщ) орэд. Бесспорно, эта песня имела магическое значение и была внутренне связана с ответственностью самого момента – пересечения порога, выхода во внешнее, чужое пространство. Марш и слова марша, наряду с другими предосторожностями (например, закрывание лица и рук невесты, перенос ее через порог и т.д.), были призваны уберечь от зла и обеспечить данному акту удачу, успех. Одновременно это было и славословие невесте:

Ойрэрада, уайрэ урэ,
Ойра уэрэ уэра ураайда!
ЫнытІур нагъомэ, ыжъэгъур фыжьымэ.
Фыжьэу щыІэ пстэухэмджэ сымыхъожьын.
Уай-ра, уайра-уэуэ-уа!
Си нысэ дахэр кыкІэсэщы.
ЛъэкІэпІэосымэ, бгъэщхъо чэсэимэ,
Си нысэ дахэр кыкІэсэщы!

(Коблева, 2 Красноалександровский аул, КК)

Ойдэрада, уайра урэ,
Ойра уэрэ уэра ураайда!
Глаза карие, шея белая.
На всех белых не променяю тебя.
Уай-ра, уайра-уэуэ-уа!
Невестку-красавицу мою вывожу.
Икры белоснежные, груди кисейные.
Невесту-красавицу мою вывожу.

[Бгажноков 1991: 66].

При выводе невесты из родительского дома сопровождающие ее пели величальные песни в ее честь, вариант одной из них мы рассмотрим внимательнее [см. Приложение № 1].

Слова этой песни представляются незатейливыми. Однако их возвышенный стиль в сочетании с соответствующей торжественной мелодией придают исполнению сакральность. Каждая строфа начинается со сравнения невесты с праздником: *Уэредэ махуэй, ди нысэ! – Праздник счастливый, наша невеста!* В приподнятом величальном стиле описывается ее повозка, что иносказательно указывает на красоту, чистоту и непорочность самой невесты: *Данэмрэ дыцэмрэ и гуцхьэ – шелком и золотом ее повозка покрыта.* Разумеется, не всегда вероятно, что повозка невесты бывает украшена столь богато, это подмена действительного желаемым, а заодно – выражение ритуально-магического почтения к молодой. Также в песне невесту сравнивают с луной, с голубкой, львицей: *уэзум ит мазэр и напэ – луна, что на небе ее лицо; цхьэнтэм утесым – тхьэрыкьуэ – на подушке сидишь – голубка ...; зыбукьуэдиймэ аслъэнкьэ – выпрямишься – львица.*

Если сравнение с луной типологично и характерно для фольклора многих народов мира, то образы голубки и львицы требуют пояснения. Во первых, они образуют параллельную конструкцию: «когда ты <...> сидишь...» – «когда ты выпрямишься...». С одной стороны, невеста характеризуется как нежное, ласковое, чуткое создание, способное доставить мир и спокойствие. С другой глагол «выпрямиться» означает активное действие любого характера: когда надо действовать, чаще всего – делать домашние дела, она ловка, имеет хватку и силу. В подтверждение этого неслучайно упоминаются ножницы и иголка, которыми она ловко орудует.

Соответственно характеризует песня и молодого супруга: его уподобляют орлу: *бгъашхуэм дэхуарзэм укьешэ – орлу подобный [в жены] тебя берет.*

Помимо кратких благожелательных клише, на обряде «вывоза молодой из отчего дома» звучало множество благопожеланий восхваляющих невесту, ее внешние данные, где ее метафорично уподобляли голубке: «*гунэсу соуэр тхьэрыкьуэ*» – «от души я сочиняю голубка»; ее брови сравнивали с хвостиками ласточки, а нежность и белизну кожи лица – с белой бумагой и т.п. Последнее сравнение, как можно предположить, могло стать компонентом устойчивой формулы не ранее и не намного позднее, чем белая бумага вошла в быт. Далее все это описание сопровождается пожеланиями долгой счастливой жизни полной достатка и изобилия, которые придут в новую семью вместе с молодой снохой. Несомненно, такого рода оригинальные стихотворные «оды» в адрес невесты не только возвеличивали девушку и придавали ей сил к новым переменам, но и оживляли само мероприятие. Естественно, фактически все основные действия в комплексе ритуалов, приуроченных к выводу невесты из родительского дома и вводу ее в дом жениха, а также к промежуточным этапам между тем и другим, регламентированы традицией. Однако в ее рамках немалое место уделялось и импровизациям. Так, устная информация от сказителя дает следующее объяснение тому, как появилась пространная тирада в исполнении уникально одаренного джегуако Ляши Агноко, который, как можно судить, находился среди приехавших за невестой, но ранее был с нею знаком.

Когда красавицу по имени Хуж выводили из отчего дома, она не просто попросила, а даже поставила условие: «Пока Ляша не встанет на пороге и не перечислит мои недостатки, не выводите меня!» Ляша, о присутствии которого, невеста заранее знала, не заставил себя ждать, и эта ситуация стала каузальной основой появления одного из бесспорных шедевров старого джегуако, известного своими блистательными экспромтами. Это устное стихотворение в стиле традиционных благопожеланий, но состоящее не из устойчивых формул, канонизированных многократным употреблением, а из органического сочетания таких формул с импровизациями самого джегуако [см. Приложение № 2].

Весь монолог составляет 35 поэтических стихов, четко организованных ритмом, разного рода созвучиями, использованием параллельных стилистических конструкций. Налицо также использование в одной речевой связке как банальных, так и совершенно новых авторских изобразительно-выразительных приемов. Что характерно, устойчивые речевые блоки и явно авторские образные выражения настолько тесно переплетены, что отделить одно от другого можно только аналитическим путем. Так, например, первый стих тирады есть не что иное, как интерпретация известного устойчивого выражения «набдзэ зытелъым я нэхъ дахэ» – *красивейшая из тех, у кого есть брови*. Оно весьма употребительно со значением «красивейшая из женщин» в обиходной речи, в преданиях и нередко в сказках. Но здесь поэт-импровизатор придал образу новый виток, мало того, он усилил свое определение сравнением бровей красавицы с тонким изящным хвостиком ласточки – птицы у многих народов мира почитаемой. Следующий стих тоже перекликается с традиционной образной системой: *То, что по икрам ног бьется, – это ее косы...* Пожалуй, у всех народов мира длина девичьих кос ассоциируется с красотой. Адыги в данном плане не исключение, но в монологе Ляши Агноко этот универсальный образ выражен не через готовый словесный штамп, а оригинально, свободным авторским текстом, причем подчиненным эстетике вербального искусства ритмически, эвфонически и образно. Используемые сравнения (походка – ход корабля, румянец на щеках – *алый тегеранский шелк* и т.п.), уподобления (брови – крылья ласточки, невеста – *голубка*, эпитеты (*голубка белошеяя, светлорукая-светлоногая, род счастливый, сорочка широкополая (т.е. легко потомство приносящая)*), слово *мягкое* и пр.), гиперболы, метафоры также естественно сочетающиеся традиционные тропы и совершенно новые сугубо авторские.

В подобном ключе построен весь монолог, обращенный к невесте, которую ведут в новый дом, призванный отныне стать для нее родным, но до поры остающийся незнакомым и загадочным. Благопожелание-хох в исполнении знаменитого на всю Кабарду джегуако – это мощная моральная поддержка, стимулирующая молодую женщину, входящую в новый для нее мир. Теплота отношения, величальный стиль речи, сердечные пожелания – все это призвано и украсить церемонию, и магически призвать благополучие, и морально взбодрить невесту перед вступлением в неведомую пока жизнь.

Композиция монологической тирады открытая, допускающая при соответствующих поэтических способностях значительную долю импровизации по принципу «нанизывания» в пределах традиционной версификации. Наряду с такими общеупотребительными в фольклорных текстах образами, как *косы, ниспадающие до пят, белошеяя голубка, старый / почтенный свекор, выводящая потомство наседка* и пр., в монологе появляются *корабль, белая бумага, дождь, выпадающий в засуху*, и еще ряд подобных новаций. Примечательно, что от такого сочетания текст обретает свежесть и дополнительную жизнеспособность. При значительности доли авторской свободы, в тексте представлены все основные опорные атрибуты благопожеланий, уместных в данной ситуации. Это и внешние достоинства невесты, и ее трудолюбие, и высоко ценящееся мастерство рукоделия (кройка, шитье, вышивание, плетение), и почтительное отношение к свекрови, свекру и другим домочадцам, и ожидаемая, магически предсказываемая плодovitость, и знание тонкостей этикета.

Этот фрагмент органически вписывается в цикл свадебных церемоний, но при этом он не является каноническим и обязательным. Даже сопровождающая информация указывает на то, что выступление Ляши в этот раз было не предписанным, а ситуативно, отчасти спонтанно возникшим: знаменитый джегуако оказался в нужном месте, и невеста не упустила случая попросить, чтобы он произнес в ее честь тираду. Подобное могло иметь место, только при условии, что невеста была знакома с самим джегуако, который был профессиональным завсегдатаем разного

рода торжеств и поэтому был знаком с множеством молодых людей, так же часто посещавших празднества. И если в девичестве та самая «красавица Хуж» попала на глаза старому поэту-джегуако и чем-то хорошим ему запомнилась, она уверенно могла именно так поступить, как и поступила. Не будь такого обстоятельства, в процессе вывода ее из родительского дома или ввода в дом жениха могло не быть ни данного эпизода, ни пространного устного стихотворения. В случае отсутствия этого эпизода в ходе событий, предписанных ритуалом, ничто бы не было нарушено. Но сам данный эпизод также не выглядит чужеродным явлением; напротив, он украшает весь церемониал, если не сказать, что становится одним из его ключевых компонентов.

Рассмотренными материалами далеко не исчерпывается многообразие песен и хохов-благопожеланий, имеющих прямое отношение к таким знаковым эпизодам свадебного цикла как вывод невесты из родительского дома или ввод ее в дом жениха. Однако мы имеем основание считать, что адыгская свадьба, как это отмечается у других народов, может быть охарактеризована как серия ритуализованных действий, устойчиво присутствующих в свадебных торжествах в течение длительного времени у разных субэтнических подразделений, со значительной долей импровизации. Она не нарушает общего хода действий, сложившегося за относительно продолжительное время, но привносит разнообразие и зависит от конкретных обстоятельств, иногда – случая, индивидуальных особенностей участников торжества. Как известно, слово в обряде часто несет главную магическую функцию, и поэтому вербальный текст достаточно консервативен. Однако и здесь налицо значительная доля свободы в обращении с канонами обряда. Это не только не разрушает традицию, а оказывается обязательной частью формы естественного функционирования обряда, привносящей в каждый случай его воплощения свежесть и привлекательность.

Приложение № 1

УЭРЕДЭ МАХУЭЙ, ДИ НЫСЭ!

1. Уэредэ махуэй, ди нысэ!
Ежью. Уойра!
Данэмрэ дыщэмрэ и гушхьэ ...
Ежью. Уойра!
(Ра,) и гублашхьитІри дыжьынкьэ!
Ежью. (Уоредэ,) бэри махуэ!
2. Уэ редэдэ махуэй, ди нысэ!
Ежью. Уойра!
И дыжьын щІыІур альтескьэ ...
Ежью. Уойра!
Альтес гьуэжьыр, (рэ,) и гьуапэщ!
Ежью. (Уоредэ,) бэри махуэ!
3. Уэредэдэ махуэй, ди нысэ!
Ежью. Уойра!
Уэгум ит мазэр и напэ ...
Ежью. Уойра!
Напэху дахэм зегьазэ!
Ежью (Уоредэ,) бэри махуэ!
4. Уэ редэдэ махуэй, ди нысэ!
Ежью. Уойра!
Бгьашхьуэм дэхуарзэм укьешэ!
Ежью. Уойра!
Укьэзышэ щауэми уэ удэжькьэ!
Ежью. (Уоредэ,) бэри махуэ!
5. Уэредэдэ махуэй, ди нысэ!
Ежью. Уойра!

Жыр лэныстэшхуэр уогъабзэ ...
Ежью. Уойра!
Жыр мастэ цЫкЛуми уэ уродэ!
Ежью. (Уоредэ,) бэри махуэ!
6. Уэ редэдэ махуэй, ди нысэ!
Ежью. Уойра!
Щхьэнтэм утесым – тхьэрыкуэ ...
Ежью. Уойра!
(Уай,) зыбукъуэдиймэ аслъэнкьэ!
Ежью. (Уоредэ,) бэри махуэ!
7. Нысэ махуэ идошэ ...
Ежью. Уойра!
Щауэ махуэ идошэжыр,
Ежью: Уойра!
Зыхуэтшэжыр Іэщхьэхукьэ!
Ежью. (Уоредэ,) бэри махуэ!
8. Зыхуэтшэжыр Іэщхьэхукьэ ...
Ежью. Уойра!
Іэщхьэху дахэр мэтэджи ...
Ежью. Уойра!
Ар щІэтэджыр ди щауэрщ!
Ежью. (Уоредэ,) бэри махуэ! [НПИНА 1980: 135]

ПРАЗДНИК СЧАСТЛИВЫЙ, НАША НЕВЕСТА!

1. Праздник счастливый, наша невеста!
Все. Уойра!
Шелком и золотом ее повозка покрыта!
Все. Уойра!
(Ра,) козлы – серебряные!
Все. (Уоредэ,) да продлится праздник!
2. Праздник счастливый, наша невеста!
Все. Уойра!
Ее серебряный нагрудник атласом сверкает ...
Все. Уойра!
Из атласа желтого, (ра,) ее рукава!
Все. (Уоредэ,) да продлится праздник!
3. Праздник счастливый, наша невеста!
Все. Уойра!
Луна, что на небе, – ее лицо ...
Все. Уойра!
Белолицая красавица [величаво] ступает!
Все. (Уоредэ,) да продлится праздник!
4. Праздник счастливый, наша невеста!
Все. Уойра!
Орлу подобный [в жены] тебя берет!
Все. Уойра!
С взявшим тебя витязем жий вам до старости!
Все. (Уоредэ,) да продлится праздник!
5. Праздник счастливый, наша невеста!
Все. Уойра!
Стальными ножницами ты кроишь ...
Все. Уойра!
Стальной иглой ты шьешь!
Все. (Уоредэ,) да продлится праздник!
6. Праздник счастливый, наша невеста!
Все. Уойра!
На подушке сидишь – голубка ...
Все. Уойра!

(Уай,) выпрямишься – львица!
Все. (Уореда,) да продлится праздник!
7. Невесту счастливую [в дом] вводим ...
Все. Уойра!
Витязя счастливого ведем ...
Все. Уойра!
Его ведем к светлорукой!
Все. (Уореда,) да продлится праздник!
8. Его ведем к светлорукой ...
Все. Уойра!
Светлорукая красавица встает ...
Все. Уойра!
Она встает в честь нашего витязя!
Все. (Уореда,) да продлится праздник!

Приложение № 2

ДИ НЫСЭ ФО

Дахэр зыгэдахэр и набдзэкитиш,
И набдзэкитири пцашхуэкэш,
Льэнклапитим теуэр и щхэщ,
Кхухыжьыфэу тхылымпэр и нэкуш,
Нэкущхытир дыхэрэным и пцафэш,
Фадафэм зи гугур ягэш,
Хуэжубэр зыхуагэшу ди нысэ,
Гунэсу соуэр, тхэрыкьуэ,
Тхэрыкьуэ пщэхугуэрэ Ихульэху,
Зи нэгур хуитиуэ псэун,
Псэуклэм и дахэр Тхэм кьуит!
Кьуитыну насыпыр щэращлэу,
Щауэущлэу уи лхуггэр шауэхуу,
Уи джанэр Изхэхьуу бырыбу,
Джэджьей бынурэ убагьуэ,
Бэгуэжари Мэзытхэм уэ кьуит!
Уи гуащэм уи бзэ хуэщабэу,
Тысыплэм и щабэклэ угупсэу,
Намысыр нарт хабзэу хузепхьуэ,
Узытемыхьэр уи тхэмадэжьу,
Уи пщыкьуэжь ухуэбзэ-ухуэдэу,
Цей зыхуэбдым уи щытху илуатэу,
Дунейм утетынклэ сэ сынохуэхьу!
Льэдакьэм и махуэр
Мы льэпкьэ Гумахуэм уэ кьыхуэгганэ,
Ди унагьуэм
Бадзэуэгьуэ уэшхыр нытхуэхь,
Хьэ пасэу кьэщхьэлтэ,
Уи льэр щыувэм щыхьуахьуи ...
Хуэжубэклэ сожьу,
Сызэжьури сыухащ.
Сыухащ, дахэ нысэ,
Ди нысэ фо,
Фом хуэдэу зыхыхьэм кьальагьун,
Уи нитиыр кьызэтехи, кьэбакьуэ иджы! [Агьнокьуэ Лашэ 1995: 39–40] –

НАША МЕДОВАЯ СНОХА

Красавицу украшают ее брови,
Кончики ее бровей – хвостики ласточки,

То, что по икрам ног бьется, – это ее косы,
Ее лицо величаво, как корабль, и нежно, как бумага,
Ее щеки – верх тегеранского красного шелка.
О ней в застолье только и говорят,
Ей многие хохи сочиняют, нашей невесте,
От души я сочиняю, голубка,
Голубка белошеея, белорукая и белоногая,
Да проживешь ты свою жизнь, сама вольная в своей судьбе,
Пусть Бог дарует тебе красивую долю!
Пусть твое счастье умножается,
Пусть твой первенец будет мальчиком,
Пусть твоя сорочка будет свободной и в складках,
Пусть подобно выводку цыплят, ты род приумножишь,
Пусть изобилием тебя дарует Мазытха!
Пусть твое слово к свекрови мягким будет,
Пусть от души ты ставить будешь мягкие сиденья.
Пусть намыс ты соблюдать будешь, как нартские законы,
Пусть свекор твой, будет видеть твое уважение,
Пусть ты будешь деверю своему шить-кроить,
Тому, кому ты череску шьешь, пусть слово доброе о тебе говорит –
Вот так на свете жить тебе желаю!
Пяту счастливую
Ты в этом роду счастливом оставляй,
Нашему же дому
В пору засухи дождь принеси.
Рано взошедшим ячменем зацвети,
Там, где стопу поставишь, там хох скажи,
А я многими хохами тебе подпою,
То, чему подпевать, я завершаю.
Завершаю хох тебе, прекрасная невеста,
Невеста наша – мед!
Да возлюбят тебя в новом доме, как мед.
Подними же свои очи и ступи теперь!».

Источники и литература

1. *Агънокъуэ Лашэ*. Усэхэр. Налшык: Эльбрус, 1995. Н. 39–40.
2. *Бгажноков Б.Х.* Черкесское игрище. Сюжет, семантика, мантика. Нальчик, 1991. 189 с.
3. *Джандар М. А.* Песня в семейных обрядах адыгов. Майкоп: Адыгейское книжное издательство, 1991. 143 с.
4. НПИНА 1980 – Народные песни и инструментальные наигрыши адыгов. Т. 1. М.: Советский композитор, 1980. 224 с.
5. *Унэрэкъо Рай, Хъакъунэ Эльз*. Адыгэ нысэщэ джэгум иорылуат. ЯтIонэрэ тедзэгъу. Мыекъуапэ, 2014. 320 с.

THE FUNCTION OF SONGS AND GOOD WISHES AT THE WEDDING RITUAL FOLKLORE OF ADYHG'S (The conclusion of the bride from her father's house)

Gutova Lyana Adamovna, Candidate of Philological Sciences, Senior Researcher of the Adyge Folklore Sector of the Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences» (IHR KBSC RAS), adam.gut@mail.ru

The article discusses the features of the verbal component in one of the episodes of the wedding cycle – the withdrawal of the bride from the parental home. Special attention is paid to the

nature of the use of figurative and expressive techniques, which is characterized by the saturation of song lyrics and well-wishes with epithets, comparisons, hyperbole, etc. The considered material gives reason to believe that Adyghe wedding, as it is celebrated among other nationalities, can be characterized as series of ritualized actions that are persistently present in the traditional culture of different sub-ethnic divisions of Adyghs. The role of persistently repeated elements of the rite itself and the verbal components associated with it, as well as the function and nature of improvisation allowed during the performance of ritual actions is noted. This not only does not destroy the tradition, but it turns out to be an obligatory part of the form of natural functioning of the rite which brings freshness and attractiveness to each case of its implementation.

Keywords: wedding, rite, verbal component, conclusion from the father's house, improvisation, functions.

DOI: 10.31007/2306-5826-2020-3-46-130-139